

Ф.О. Трунов

Особенности стратегии борьбы ФРГ с «Исламским государством»¹

Аннотация. В статье анализируются особенности участия ФРГ в борьбе с «Исламским государством» в Сирии и Ираке. В этой связи рассматривается германский опыт противодействия структурам международного терроризма в Афганистане с точки зрения его применимости на сирийской и иракской территориях. Исследуются ключевые аспекты применения Федеративной Респуб-
ликой дипломатических, экономических и военных инструментов для ослабления «Исламского государства». Делаются прогнозы о перспективах развития курса Германии по борьбе с ИГ.

Abstract. The article provides an analysis of the main features of German participation in the struggle against the «Islamic state» in Syria and Iraq. In this regard it considers the possibility to make use of German experience gained in Afghanistan in fighting against the structures of international terrorism in both Irak and Syria. The article traces the way Germany uses diplomatic, economic and military tools for the weakening of the «Islamic state». The author makes prognosis for German politics towards the «Islamic state».

Ключевые слова: Германия, «сирийская проблема», борьба с ИГ, безопасность, развитие, международный терроризм.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 15-18-30066) на факультете мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова.

Keywords: Germany, «Syrian problem», fight against ISIS, security, development, international terrorism.

Сирийские события являют собой пример скатывания среднего (свыше 20 млн жителей) относительно стабильного светского государства в состояние хаоса и полураспада. В их развитии отчетливо выделяются два основных периода. В *первом* из них (с весны 2011 г. по осень 2013 г.) в Сирийской Арабской Республике (САР) шла «классическая» гражданская война между правительством и оппозицией, составной, но не доминирующей частью которой являлись радикальные силы. Руководство стран и институтов Запада считало, что победа противников президента Б. Асада не только не приведет к крушению светской политической системы, но, напротив, укрепит ее посредством модернизации по образцу западных демократий [Merkel, Obama, 2013].

В ходе *второго* периода силой, обладавшей реальными возможностями по установлению своего доминирующего положения в стране, стало «Исламское государство». В обновленной Белой книге по безопасности ФРГ оно справедливо рассматривается в качестве международной террористической структуры с элементами протогосударственного образования [Weißbuch..., 2016, S. 34], стремящегося к установлению гомогенного суннитского халифата в глобальном масштабе насильственным путем. Сирия рисковала из светского государства превратиться в огромную «раковую опухоль» – базу ИГ, «метастазы» которой в виде боевиков (как по отдельности, так и в составе групп), вербовщиков, поставщиков оружия и наркотиков могли распространиться на ЕС и Россию.

Акты террора 13 ноября 2015 г. в Париже и 22 марта 2016 г. в Брюсселе показали, что «сирийская проблема» в ее новом качестве стала одной из главных «болевых точек» для всех стран Европейского союза. Страны – участницы ЕС, в том числе Германия, использующие широкий внешнеполитический инструментарий для решения проблем безопасности в различных, в том числе отдаленных, регионах мира, столкнулись с мощной угрозой международного терроризма на *своей* территории.

В этой связи *задача* настоящей статьи – рассмотреть основные черты участия ФРГ в борьбе с «Исламским государством» на территории Сирии и Ирака. При этом имеет смысл оценить германский опыт противодействия структурам международного терроризма в Афганистане с точки зрения его применения на Ближнем Востоке. При изучении же усилий Германии по ослаблению ИГ в Сирии и Ираке основное внимание сосредоточено на использовании ею политико-дипломатических, военных и экономических инструментов, в том числе ресурсов помощи развитию.

Афганская стратегия 2.0?

После совершения в США актов мегатеррора 11 сентября 2001 г. ФРГ стала государством – членом международной антитеррористической коалиции. Из всех географических направлений ее деятельности (Средиземноморье, западная часть Индийского океана, Афганистан) именно Афганистан стал главной областью приложения усилий Германии, в основе которых лежало стремление играть максимально значимую роль, – но не в введении собственно боевых действий против «Аль-Каиды» и дружественного ей «Талибана», а в *восстановлении государственности* в Афганистане. Цель этого процесса – создание государства с дееспособной вертикалью власти на центральном и местном уровнях, имеющего положительную динамику социально-экономического развития, что должно было предотвратить саму возможность повторного укоренения структур международного терроризма на афганской территории.

Какие ключевые мотивы определяли данную линию ФРГ? Один из них – желание обеспечить свою безопасность на «дальних подступах», максимально ослабив структуры международного терроризма, тем самым не допуская возможности их деятельности на своей территории [«Offener Brief»., 2014]. Другой – укрепление своих позиций на мировой арене. Думается, что применительно к Афганистану в период 2001–2014 гг. второй мотив имел для официального Берлина как минимум сопоставимое с первым значение.

Руководствуясь указанными мотивами, правительство ФРГ стремилось обеспечить комплексное использование своих инстру-

ментов: политико-дипломатических (МИД, Ведомство федерального канцлера, профильные научные центры), военных (Министерство обороны), полицейских (МВД федерального и земельного уровней) и экономических (Министерство экономического сотрудничества и развития (МЭСР) и Германское общество по международному сотрудничеству) [«Offener Brief»..., 2014].

При формально ведущей роли Германии был запущен «Боннский процесс» – переговоры представителей четырех политических групп: Римской группы, Северного альянса, Кипрской группы и Пешаварской группы (известные деятели и полевые командиры) с целью воссоздания вертикали центральной власти в Афганистане. ФРГ и ее партнеры по НАТО и ЕС, весьма позитивно оценивая на официальном уровне ход «Боннского процесса», считали его завершением подписание Петербургского договора (19 декабря 2005 г.) о начале работы первого с 1973 г. парламента Афганистана [The Bundeswehr..., 2009, p. 80].

Для подготовки административных кадров на местном уровне под эгидой Международных сил содействия безопасности (МССБ/ISAF, правовая основа для деятельности – резолюции Совета Безопасности 1368 и 1386) были учреждены провинциальные восстановительные команды (ПВК). ФРГ была ответственна за функционирование ПВК в провинциях Кундуз и Бадахшан [Assistance..., 2005, p. 22–23]. В них работали сотрудники Ведомства федерального канцлера и МИД (подготовка гражданских управленцев), министерств обороны и внутренних дел (обучение сил безопасности) и МЭСР (контроль за распределением официальной помощи развитию (ОПР)) [The Bundeswehr..., 2009, p. 81]. В задачи ПВК входила подготовка и консультирование местных управленцев (чьи кандидатуры подбирались с учетом мнения местных старейшин и полевых командиров Северного альянса), контроль над распределением и использованием ОПР, подготовка кадров полиции и вооруженных сил на провинциальном уровне [Трунов, 2016, с. 437–446].

В рамках секторального распределения нагрузки между ведущими государствами – членами НАТО на ФРГ была возложена ответственность за обучение и консультирование полиции страны

[Assistance., 2005, p. 6–7]. Контингент бундесвера, действующий в рамках деятельности МССБ на севере страны (в первую очередь, в провинциях Кундуз и Бадахшан) и в Кабуле, был ответственен за поддержание мира, особенно на этапах создания официальным Кабулом собственных сил безопасности. Если к началу 2002 г. в Афганистане было сосредоточено 1,2 тыс. германских военнослужащих, то к концу 2011 г. – уже 5 тыс. [Antrag., 2011, S. 1–2], что стало крупнейшей миссией бундесвера вне зоны ответственности НАТО.

Однако, несмотря на определенные позитивные тенденции, сложно говорить об успешности антитеррористической стратегии стран Запада, в том числе ФРГ, в Афганистане. Низкая эффективность обусловлена не самой целью стратегии и не методами ее достижения, а переоценкой возможности быстро и успешно перенести принципы и ценности западной демократии на афганскую почву [Новикова, 2014, с. 52–53]. Так, стремясь не допустить полной дестабилизации на подотчетных официальному Кабулу территориях после свертывания деятельности МССБ, государства Запада в 2015–2016 гг. запустили миссию «Resolute Support» («Решительная поддержка») с участием бундесвера [«Offener Brief»., 2014]. Вместе с тем деятельность ФРГ в 2001–2014 гг. дала ей огромный опыт по противодействию радикальным военизированным исламистским структурам. В этой связи возникает закономерный вопрос: как он может быть использован в Сирии?

Сама направленность действий Германии – восстановление и укрепление вертикали гражданской власти, возвращение страны на путь стабильного социально-экономического развития – остается неизменной. Однако необходимо выделить пять обстоятельств, которые характеризуют качественное отличие ситуации в Сирийской Арабской Республике от Афганистана и имеют большое значение для разработки антитеррористической стратегии ФРГ в отношении ИГ.

Во-первых, «сирийская проблема» оказывает несопоставимо большее прямое влияние на Германию и ее партнеров по ЕС, чем «афганская». Так, укрепление позиций «Аль-Каиды» в Афганистане не привело к огромному исходу беженцев в Европу. Это означа-

ет, что из двух мотивов участия ФРГ в возвращении Сирии на путь стабильного развития – ради обеспечения собственной безопасности и ради укрепления своих позиций в мире, – безусловно, доминирует первый. Уместно предположить, что, учитывая геополитическое положение Сирии и Ирака по сравнению с Центральной Азией, Германию не будет устраивать частичная победа над международным терроризмом – «Исламское государство» должно быть разгромлено полностью. Поэтому думается, что общий объем прилагаемых Германией усилий в отношении «сирийской проблемы» будет значительно больше, чем в случае с Афганистаном, – в первую очередь, это будет касаться использования политико-дипломатических и экономических возможностей (в том числе – ОПР для жителей Сирии). Кроме того, от ФРГ требуется использование военных инструментов для борьбы с ИГ, хотя пока официальный Берлин избегает прямого использования бундесвера в боевых операциях, о чем подробнее будет сказано ниже. При этом официальный Берлин, учитывая высокую вероятность роста потоков беженцев, должен будет придерживаться взвешенного подхода при возможном использовании военных инструментов вне борьбы с терроризмом, – в первую очередь, против официального Дамаска.

Во-вторых, в САР нет полного вакуума светской власти, как это было в начале 2000-х годов в Афганистане. Именно президент Б. Асад олицетворяет собой основную альтернативу ИГ – его войска продолжают нести основную нагрузку в наземных операциях против боевиков «Исламского государства» и дружественных ему сил на сирийской территории. ФРГ, как и ее партнеры по НАТО и ЕС, считают нелегитимной власть Б. Асада, обвиняя его в насилии, в том числе – в применении запрещенных видов оружия в отношении мирного населения в ходе гражданской войны [Steinmeier, 2015]. При этом политическим руководством стран Запада игнорируется факт поддержки переизбранного на досрочных президентских выборах (2014) лидера САР многими этноконфессиональными группами населения – шиитами, христианами, частью суннитов и курдами. Проводником интересов Евро-Атлантического сообщества остается умеренная оппозиция, возможности (и стремление) которой по противодействию ИГ значительно меньше, чем у

официального Дамаска. Боеспособность большинства ее формирований значительно ниже, чем у сил Северного альянса, сражавшихся в Афганистане. Последний в 2001–2003 гг. нес основную нагрузку при проведении наземных операций против талибов. Этого нельзя сказать об умеренной сирийской оппозиции, которая располагает весьма ограниченными возможностями для ведения активных боевых действий. Кроме того, в отличие от Северного альянса, умеренной оппозиции в Сирии остро не хватает харизматичных лидеров, которые могли бы стать альтернативными Б. Асаду символами объединения сирийского населения в борьбе с «Исламским государством».

В-третьих, в отличие от Афганистана, действия стран Запада, в том числе ФРГ, не пользуются столь же широкой поддержкой за пределами Евро-Атлантического сообщества, в том числе со стороны РФ. Отчасти это обусловлено неготовностью стран Запада к активному взаимодействию и тем более сотрудничеству с РФ по борьбе с «Исламским государством», в отличие от тесной кооперации по афганской проблематике (особенно в 2000-е годы). Соответственно, западным державам сложно ожидать одобрения значительной части их намерений (особенно выходящих за рамки непосредственной борьбы с международным терроризмом) в виде резолюций Совета Безопасности ООН. Эти два обстоятельства существенно сужают пространство для использования ФРГ своих инструментов, в том числе военных, для борьбы с ИГ на территории Сирии, заставляя перенести ее на территорию Ирака.

В-четвертых, положение дел в Афганистане в начале 2000-х годов и на территории Ирака и Сирии в середине 2010-х годов также весьма различается с точки зрения боевых успехов в борьбе со структурами международного терроризма. Если в первом случае странам – участницам операции «Несокрушимая свобода» («Enduring Freedom») удалось (при опоре на Северный альянс) быстро разгромить и отбросить в южные провинции силы талибов и «Аль-Каиды», то достичь сколь-нибудь значительных и, главное, быстрых успехов в борьбе с «Исламским государством» западной коалиции длительное время не удавалось. Здесь, особенно до осени 2015 г., интенсивность проведения боевых акций со стороны западных стран

была очень низкой, при этом коалиция избегала нанесения ударов по группировке «Джабхат ан-Нусра», деятельность которой носила откровенно репрессивный характер в отношении мирного населения¹. Соответственно, усложнялось использование бундесвера в небоевой по своей сути и не сопряженной с большими потерями деятельности по поддержанию мира. Де-факто ФРГ сталкивается с растущей необходимостью использования бундесвера уже в силовых (боевых) акциях на Ближнем Востоке, чего (учитывая фактор потерь и последующие негативные политические последствия) федеральное правительство последовательно стремится избежать.

В-пятых, с точки зрения противодействия «Исламскому государству» сирийский и иракский театры военных действий (ТВД) связаны между собой по принципу сообщающихся сосудов. Германская сторона учитывает это обстоятельство, при необходимости компенсируя недостаток усилий в Сирии соответствующей активизацией своих действий в Ираке. И хотя задействованный инструментарий и масштабы его использования в Ираке и Сирии отличаются, нельзя не отметить неразрывность иракской и сирийской компонент стратегии по борьбе с ИГ для официального Берлина [An der Seite., 2015]. При этом небезынтересно отметить, что в своей антитеррористической стратегии в Афганистане германская сторона не уделяла какого-либо заметного внимания концепции «Аф-Пак» (Афганистану и Пакистану как единому ТВД).

Таким образом, отмеченные обстоятельства определяют возможность лишь ограниченного воспроизведения афганской антитеррористической стратегии ФРГ применительно к борьбе с «Исламским государством». При этом ее цель – обеспечение контроля над всей ранее нестабильной территорией дееспособной светской властью, а также обеспечение ее стабильного социально-экономического развития – остается неизменной в отношении Ирака и Си-

¹ Необходимо обратить внимание, что во время парламентских слушаний 2 декабря 2015 г. по вопросу о привлечении бундесвера для помощи западной коалиции по борьбе с ИГ «Джабхат ан-Нусра» ни разу не была упомянута как радикальная структура ни представителями действующего кабинета, ни депутатами правительственной коалиции.

рии. Руководство Германии неоднократно заявляло о стремлении к комбинированному использованию своих возможностей. В этой связи встает вопрос: насколько ФРГ в реальности, а не только декоративно, удалось добиться слаженного и направленного на достижение единой цели использования внешнеполитических инструментов?

Особенности применения ФРГ дипломатических рычагов

«Стержнем» антитеррористической стратегии Германии по борьбе с ИГ являлось участие в переговорном процессе под эгидой ООН по «сирийскому вопросу». Успехи «Исламского государства» в период с конца 2014 г. до осени 2015 г. на фоне неспособности западной коалиции во главе с США приостановить наступление ИГ привели к осознанию ФРГ и другими странами Запада необходимости развития взаимодействия с акторами вне Евро-Атлантического сообщества, ведущими борьбу с международным терроризмом в регионе, в первую очередь с РФ. Восстановление полноценного диалога с РФ по «сирийской проблеме», с точки зрения автора, обуславливалось двумя основными причинами.

Именно при ведущем участии РФ в июле 2015 г. удалось найти политическое решение по ядерной программе Исламской Республики Иран (ИРИ). Это отчетливо демонстрировало возможности России по решению проблем безопасности на Ближнем и Среднем Востоке, чему способствовала в том числе разветвленность контактов РФ с ИРИ, игравшей одну из основных ролей в наземной борьбе с ИГ на обоих ТВД¹.

30 сентября 2015 г. сама Россия, тесно сотрудничая с сирийской армией, начала использование своих Воздушно-космических сил (ВКС) в борьбе против «Исламского государства». Действия относительно небольшой (приблизительно 5 тыс. военнослужащих), но эффективно используемой группировки ВКС РФ позволили войскам Б. Асада перейти в стратегическое контрнаступление,

¹ На территории САР на стороне правительства Б. Асада использовались в боевых действиях контингенты Корпуса стражей исламской революции ИРИ, в том числе в составе отдельных частей и соединений (в масштабе бригады). Кроме того, Иран контролировал многочисленные и дееспособные вооруженные формирования шиитского ополчения на юге Ирака, ведущие борьбу с ИГ.

приступив к освобождению центральных и восточных провинций страны. Каково значение российского военного включения в борьбу с ИГ осенью 2015 г.? Сирия, пораженная метастазами «раковой опухоли» ИГ, по всем диагностическим признакам находилась в это время в предпоследней стадии онкологической агонии. Выражаясь медицинским языком, действия РФ стали курсом экстренной химиотерапии, позволившей начать уничтожать очаги и очажки страшного ракового заболевания на ослабленном многолетней гражданской войной теле сирийского государства. Понимание этого факта не могло не оказать заметного влияния на действия ФРГ и ее западных партнеров. Перелом в боях на сирийском фронте, достигнутый уже к декабрю 2015 г., привел к переброске сюда сил ИГ с иракского ТВД, что, в свою очередь, облегчило действия курдских сил самообороны Пешмерга (которым ФРГ оказывала поддержку), суннитских формирований и шиитских сил на юге иракской территории.

Потеря инициативы «Исламским государством» привела к заметной активизации переговорного процесса по Сирии под эгидой ООН с участием всех заинтересованных государств. Анализ заявлений Ф.-В. Штайнмайера позволяет выделить три тесно связанные задачи германской дипломатии. Первая из них – прекращение боевых действий между сирийской правительственной армией и войсками умеренной оппозиции и перенацеливание как тех, так и других на борьбу с «Исламским государством» [Steinmeier, 2015]. Отнюдь не отказываясь от жесткой критики официального Дамаска, германская сторона была де-факто заинтересована в его максимальном использовании в борьбе с международным терроризмом. Вторая задача – создание благоприятных условий для экономического восстановления Сирии и Ирака и возвращения в эти страны масс беженцев, пытавшихся осесть на территории Европейского союза. Отправной точкой в решении данных задач должно было стать заключение перемирия между правительством Б. Асада и умеренной оппозицией. Интерес ФРГ к выработке данных договоренностей доказывает тот факт, что их прелиминарные условия были приняты на 52-й Мюнхенской конференции по безопасности в начале февраля 2016 г. [Наумкин,

2016]. Соглашение было подписано 27 февраля 2016 г., став самым значимым результатом взаимодействия России и Запада по Сирии с 2011 г.

Наконец, третья задача – обеспечение максимально значимой (особенно де-юре) роли умеренной оппозиции в борьбе с «Исламским государством» с целью укрепления ее позиций в Сирии после окончания войны. Для этого ФРГ стремилась «включиться» в решение тех проблем, которым прозападные противники режима Б. Асада не уделяли достаточного внимания из-за слабости своих позиций. Так, в ходе боев с ИГ за освобождение второго по значимости сирийского города Алеппо несшие основную нагрузку Россия и правительство САР стали с 30 июля 2016 г. создавать гуманитарные коридоры для вывода мирного населения и предоставления помощи оставшимся в городе жителям. В ходе переговоров глав МИД РФ и ФРГ 15 августа 2016 г. Ф.-В. Штайнмайер, поддержав данную инициативу, подчеркнул необходимость ее проведения под эгидой ООН. При этом министр иностранных дел Германии рассматривал Россию в качестве «актора, ответственного за поиск наилучшего решения проблемы» [Steinmeier in Jekaterinburg., 2016] в рамках усилий ООН. В попытках германской стороны взять под контроль происходящее в Алеппо просматривалось стремление обеспечить максимально значимое с политико-имиджевой точки зрения укрепление позиций умеренной оппозиции в дальнейших переговорах по «сирийскому вопросу».

Постепенное очищение сирийской и иракской территорий от ИГ перевело в практическую плоскость вопрос об участии ФРГ в процессе экономического восстановления этих стран для предупреждения возникновения здесь новых очагов терроризма.

Участие ФРГ в экономическом восстановлении Сирии и Ирака: основные проблемы

Руководство Германии стало использовать экономические рычаги для решения «сирийской проблемы» сразу с момента ее появления в 2011 г. Однако в 2014–2015 гг. данное направление деятельности приобрело и качественно, и количественно новое измерение в условиях миграционного кризиса, «спусковым крючком»

для которого стало продвижение бригад и отрядов «Исламского государства».

Как уже отмечалось, жесткая критика Б. Асада и развитие обстановки на сирийском ТВД существенно сужали возможности для использования Германией своих экономических рычагов в Сирии. Еще в 2013 г. федеральное правительство заявило о стремлении использовать оперативные группы (task forces) на территории САР, равно как и других нестабильных государств Ближнего Востока [Sicherheitspolitik., 2013, S. 18–19]. Созданные с учетом опыта функционирования ПВК в Афганистане, они представляли собой механизмы межведомственного взаимодействия, используемые для содействия созданию органов власти на местном уровне в районах, очищенных от ИГ. Однако на сирийской земле, особенно в центральных и юго-западных провинциях страны, возможность их использования была близка к нулю. Официальный Дамаск, игравший при содействии РФ ключевую роль в освобождении этих районов, возвращал на «зачищенные» территории свою, эвакуированную ранее администрацию, немедленно приступавшую к выполнению управленческих функций и налаживанию мирной жизни.

Это обстоятельство снижало интерес ФРГ к направлению помощи развитию непосредственно в Сирию – в основном она шла в районы, контролируемые оппозицией или освобождаемые с ее участием, а также в зону проживания сирийских курдов. Так, в 2014 г. через банк KfW было закуплено 15 машин скорой помощи для Алеппо, а на север страны переданы передвижные мельницы для перемола урожая [Reconstruction Fund., 2016].

Другими векторами направления помощи стали Ливан и Иордания, куда устремились потоки сирийских беженцев. Германия старалась задержать в этих государствах максимальное количество беженцев, не допуская их перетока на территорию ЕС. Кроме того, по мере урегулирования «сирийской проблемы» вероятность возвращения на историческую родину мигрантов из этих стран Восточного Средиземноморья была значительно выше, чем тех, кто уже успел осесть в государствах – членах Европейского союза. В Ливане, где ситуация еще до начала «арабской весны» отличалась нестабильностью, действия ФРГ носили более точечный ха-

ракти: помощь направлялась на открытие многочисленных дополнительных и расширение имеющихся школ для детей сирийцев и ливанцев [The Middle East., 2017]. В Иордании, отличающейся большей политической стабильностью, помощь носила как точечный (помощь в налаживании снабжения водой лагерей беженцев), так и более общий характер: облегчение торгового режима с Европейским союзом.

Наконец, еще одним вектором направления помощи стал Ирак. С одной стороны, ФРГ установила отношения и с официальным Багдадом, и с курдским руководством, что создавало благоприятный политический фон для действий Германии. Так, объявление об очередном транше помощи в 20 млн евро на 2016 г. Ф.-В. Штайнмайер сделал 7 декабря 2015 г. во время своего визита в Багдад. Момент для поездки, думается, был выбран не случайно – буквально за несколько дней до этого Германия официально стала участником военной кампании западной антитеррористической коалиции. Подкрепляя свои шаги военного характера экономическими мерами, правительство «большой коалиции» стремилось упрочить свои позиции в переговорном процессе.

В то же время основная масса беженцев, учитывая географические особенности расположения Сирии и Ирака, шла в ЕС именно с сирийского направления. Этим объяснялась несоизмеримость средств, расходуемых ФРГ на решение «сирийской проблемы» и на помощь Ираку: к началу 2016 г. – 1,3 млрд евро [Germany., 2016] и 90 млн евро соответственно [An der Seite., 2015], включая расходы на недопущение гуманитарной катастрофы.

Значение, которое отводилось использованию экономических инструментов в курсе ФРГ в отношении Сирии, иллюстрируют два факта. К осени 2016 г. Германия заняла первое место по общему объему ассигнований для решения «сирийской проблемы». Эти расходы включают как предоставление гуманитарной помощи непосредственно населению Сирии, так и точечное участие в разрешении социально-экономических проблем на территории страны [Die Menschen., 2016]. При этом ФРГ продолжала проявлять стабильный интерес к их дальнейшему увеличению [Ibid.], несмотря на сохраняющееся негативное влияние последствий мирового

экономического кризиса на страну. Меньшим по объемам, но также весьма значимым в антитеррористической стратегии Германии являлось применение военных инструментов, что будет рассмотрено ниже.

Использование бундесвера в борьбе с ИГ: формальное или реальное?

При решении вопроса о применении бундесвера в Сирии правительство Германии должно было пройти между Сциллой неизбежности своего реального, а не формального, включения в военные действия на стороне западной антитеррористической коалиции и Харибдой стремления минимизировать собственно боевое использование бундесвера вне зоны ответственности НАТО, особенно на Ближнем и Среднем Востоке. Сложностью этой дилеммы объяснялось по сути лишь декларативное участие ФРГ в созданной партнерами Германии по НАТО коалиции по борьбе с «Исламским государством» в первый год ее существования. В то время официальный Берлин ограничивался лишь поставками стрелковых вооружений и боеприпасов к ним для нужд курдских отрядов Пешмерга в Ираке [Plenarprotokoll 18/142., 2015, S. 13 875 С]. Почему официальный Берлин еще с конца 2014 г. стал оказывать помощь именно курдам? Фактически курды были одним из дееспособных «осколков» института светского государства, противостоящего ИГ и развивавшего связи с официальным Берлином. Курды, во-первых, выступали барьером на пути направлявшихся на подконтрольные им территория беженцев из других частей Сирии и Ирака, препятствующим их дальнейшему продвижению, – так, министр обороны У. фон дер Ляйен сравнила их с пограничниками [Ibid., S. 13 887 С]. Во-вторых, курды ослабляли натиск ИГ на силы официального Багдада.

В военном отношении ФРГ присоединилась к западной коалиции после террористических актов в Париже 13 ноября 2015 г. Французская сторона, исходя из ст. 42 Лиссабонского договора (2010) о праве на коллективную самооборону, обратилась к ФРГ с просьбой оказать военное содействие в борьбе с ИГ. Уже 1 декабря 2015 г. правительство А. Меркель / Ф.-В. Штайнмайера приняло

положительное решение, а на следующий день в Бундестаге состоялись слушания по данному вопросу. По их итогам 4 декабря 2015 г. германские парламентарии санкционировали использование для борьбы с «Исламским государством» контингента бундесвера, верхний предел численности которого был установлен в 1,2 тыс. военнослужащих, при этом ни один из военных не должен был принимать участие в наземных боевых действиях на передовой [Plenarprotokoll 18/144., 2015]. Лишь летчики шести германских самолетов-разведчиков «Tornado» должны были непосредственно действовать в воздушном пространстве САР [Steinmeier, 2015], причем не участвуя непосредственно в бомбардировках позиций и баз боевиков ИГ. Кроме того, еще около 50 германских офицеров должны были участвовать в разработке планов наступления формирований Пешмерга и военных сил официального Багдада [Plenarprotokoll 18/142., 2015, S. 13 876 В]. Иначе говоря, дав согласие на свое участие в военной кампании против ИГ, кабинет «большой коалиции» свел к минимуму непосредственное участие вооруженных сил Федеративной Республики в боевых действиях.

Позиция ФРГ стала постепенно меняться по мере развития переговорного процесса по Сирии. Так, 15 февраля 2016 г. А. Меркель выступила в поддержку инициативы официальной Анкары по введению бесполетной зоны над частью воздушного пространства САР. Тем самым, указывала канцлер, были бы образованы полностью безопасные для населения ареалы [Merkel für Flugverbotzone., 2016]. Официально стремясь создать условия для нормализации жизни хотя бы на части сирийской территории, германская сторона преследовала и иную цель – пойти на использование военных мер как средства расширения поддержки умеренной оппозиции. Заключение перемирия 27 февраля 2016 г., приведшее к тому, что де-юре умеренная оппозиция стала полноправным игроком в Сирии, создавало предпосылки для развития прослеживаемой тенденции.

В июне 2016 г. в районе Алеппо, вокруг которого развернулись бои с ИГ, было отмечено появление подразделений спецназа бундесвера – около 50 военнослужащих (равно как и аналогичных частей французских и американских вооруженных сил) [Минобо-

роны ФРГ., 2016]. По мнению автора, с точки зрения борьбы с ИГ этот шаг не давал ФРГ серьезных преимуществ. Даже при прекрасной подготовке и экипировке столь малочисленные силы сами по себе не были способны на проведение масштабных акций, тем более что они отнюдь не стремились к налаживанию взаимодействия с правительственными войсками и ВКС РФ на оперативно-тактическом уровне. Показательно также, что правительство А. Меркель немедленно опровергло факт нахождения солдат и офицеров бундесвера в Сирии без мандата Бундестага (!). Поэтому, думается, основной целью применения спецназа под Алеппо являлась не только и не столько борьба с «Исламским государством», сколько военная поддержка умеренной сирийской оппозиции. ФРГ была весьма заинтересована в том, чтобы хотя бы часть освобождаемого Алеппо контролировалась не силами Б. Асада, но прозападными светскими силами.

При этом параллельно на официальном уровне германская сторона не стремилась к расширению своей военной активности в военно-воздушной кампании против ИГ – не произошло ни изменения задач контингента бундесвера, ни увеличения его численности. Тем не менее прослеживается тенденция к расширению использования Германией своих военных рычагов в Сирии и Ираке.

Перспективы развития антитеррористической стратегии ФРГ

Хотя афганская и сирийско-иракская антитеррористические стратегии ФРГ преследовали общую цель, они весьма заметно различались по своему содержанию. Если в Афганистане Германия использовала свои экономические и военные инструменты *на территории страны*, то в случае с Сирией в период 2014–2015 гг. – *в основном за ее пределами*. Это обстоятельство не только снижало эффективность их применения, но и не позволяло делать это комплексно.

К 2016 г. ситуация начала качественно изменяться – Германия стала одним из ключевых участников переговорного процесса по «сирийскому вопросу» под эгидой ООН и членом западной антитеррористической коалиции. Это позволяло ей более активно и слаженно использовать в Сирии свои инструменты, в том числе

военные. Как показали, в частности, действия Германии в период очищения Алеппо от ИГ, здесь ФРГ преследовала двойную цель – не только оттеснить и ослабить «Исламское государство», но и укрепить позиции умеренной оппозиции. Думается, что именно умеренной оппозиции и – в меньшей степени – курдам будет отводиться роль проводников западного влияния.

На фоне теснейшей взаимосвязанности сирийского и иракского направлений борьбы с ИГ действия ФРГ в Ираке также активизировались. Экономические и военные инструменты используются в первую очередь для помощи курдам и официальному Багдаду.

Каковы с нашей точки зрения перспективы антитеррористической стратегии ФРГ? Думается, что развитие этой стратегии будет проходить в два основных этапа. На *первом* из них (продолжительностью не менее двух-трех лет) будет происходить наступление с целью полного разгрома сил «Исламского государства» на обоих тесно связанных ТВД – сирийском и иракском. Дипломатические усилия Германии будут направлены на максимальное укрепление позиций умеренной оппозиции в противовес правительству Б. Асада. Использование экономических рычагов, таких как предоставление гуманитарной помощи, содействие в восстановлении жилья, транспортной и социальной инфраструктуры (школы, больницы), а также реанимация местных производств и сельского хозяйства, будет осуществляться в первую очередь на территориях, подконтрольных умеренной оппозиции и курдам. В Ираке масштаб данной деятельности будет значительно меньшим, чем на территории САР. Кроме того, ФРГ может пойти на кратковременное наращивание масштабов использования своего спецназа в Сирии (в неофициальном порядке). Вероятность включения люфтваффе в авиаудары, наносимые ВВС западной антитеррористической коалиции, остается низкой, что подтверждается продлением мандата миссии бундесвера без какого-либо существенного изменения задач в декабре 2016 г. [Antrag., 2016, S. 2–3]. При этом следует ожидать активных поставок вооружений (как стрелковых, так и тяжелых) умеренной оппозиции и курдам (как сирийским, так и – в особенности – иракским), а также официальному Багдаду, что бу-

дет сопровождаться направлением дополнительных военных советников.

На *следующем* этапе, в условиях критического ослабления главных сил ИГ, руководство ФРГ встанет перед дилеммой: что для него важнее – достижение стратегических целей в рамках обеспечения ориентации «новой Сирии» на Запад или обеспечение своей собственной безопасности? На первый взгляд, сама постановка данного вопроса парадоксальна. Однако данное противоречие отчетливо проявляется при выделении двух наиболее вероятных, с точки зрения автора, сценариев развития ситуации вокруг Сирии.

Первый сценарий – Запад, категорически не приемля режим Б. Асада и в то же время не обладая возможностями по обеспечению доминирующего положения умеренной оппозиции, может согласиться на создание государственной структуры, обладающей большой долей самостоятельности, с ведущим участием умеренной оппозиции на части центральных и восточных провинций страны. Для этого суннитским полевым командирам будет оказываться разносторонняя помощь, в том числе военная – не только косвенная (поставки вооружений и привлечение военных советников), но и прямая (использование боевой авиации). Однако данный сценарий создает две основные проблемы для ФРГ и ее западных партнеров:

– высока вероятность возобновления боевых действий между официальным Дамаском (поддерживаемым политически Россией и Ираном) и сепаратистами, что отнюдь не будет содействовать обеспечению стабильности вблизи юго-восточных рубежей ЕС;

– встает вопрос о состоятельности подобного образования (образований) и возможности реально не допускать возникновения ячеек международного терроризма на подконтрольной ему территории. Собственно, именно слабость государственных институтов как отличительная черта «иракской модели», появившейся после интервенции 2003 г., создала благоприятные предпосылки для продвижения ИГ в восточной части Ирака.

Иными словами, двигаясь по пути достижения своих стратегических целей, официальный Берлин в то же время не снимает

угрозу своей безопасности, поскольку Сирия не возвращается в число стабильно развивающихся акторов.

Второй сценарий – это сохранение единой Сирии как минимум с частичным влиянием лояльных Б. Асаду сил, ориентирующихся на союз с Россией и сохранение близости с Ираном. При этом за умеренной оппозицией возможно закрепление (в том числе де-юре, по образцу политической системы Ливана) определенных постов в САР. С одной стороны, безусловно, такое государство будет далеко от той «новой Сирии», которую хотели бы видеть в Берлине, Лондоне и Вашингтоне. Очевидно, что официальный Дамаск не пойдет на заключение с ЕС соглашения о стабилизации и ассоциации, как это делают малые балканские государства, не входящие в ЕС. С другой стороны, обновленная и стабильно развивающаяся Сирия, поддерживаемая Россией и Ираном и признаваемая Западом, могла бы стать твердым барьером на пути проникновения международного терроризма в Россию и Европу.

Выбор одного из сценариев будет зависеть, во-первых, от реального вклада западных и незападных акторов в борьбу с «Исламским государством» и, во-вторых, от степени осознания странами ЕС и НАТО, в том числе ФРГ, приоритетности обеспечения собственной безопасности даже в ущерб полному достижению имеющихся стратегических установок.

Список литературы

Минобороны ФРГ опровергло информацию о присутствии своего спецназа в Сирии // РИА Новости. – М., 2016. – 15.06. – Режим доступа: <http://ria.ru/syria/20160615/1447923181.html> (Дата обращения – 10.04.2017).

Наумкин В.В. Военная победа в Сирии невозможна // РСМД. – М., 2016. – 25.02. – Режим доступа: https://web.archive.org/web/20160322114747/russiancouncil.ru/inner/?id_4=7306#top-content (Дата обращения – 10.04.2017).

Новикова О.Н. «Жесткая» и «мягкая» сила Запада в современном Афганистане // Актуальные проблемы Европы / РАН. ИНИОН. – М., 2014. – № 3: «Мягкая» и «жесткая» сила во внешней политике европейских стран. – С. 38–58.

Трунов Ф.О. Всеобъемлющий подход к постконфликтному восстановлению: Опыт ФРГ в Афганистане // Вестник РУДН: Серия «Международные отношения». – М., 2016. – № 3. – С. 437–450.

An der Seite Iraks in stürmischen Zeiten // Auswärtiges Amt. – Berlin, 2015. – 07.12. – Mode of access: http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Aussenpolitik/Laender/Aktuelle_Artikel/Irak/151207_BM_Irak.html (Дата обращения – 10.04.2017).

Antrag der Bundesregierung: Fortsetzung der Beteiligung bewaffneter deutscher Streitkräfte an dem Einsatz der Internationalen Sicherheitsunterstützungsgruppe in Afghanistan (International Security Assistance Force, ISAF) unter Führung der NATO auf Grundlage der Resolutionen 1386 (2001) und folgender Resolutionen, zuletzt Resolution 2011 (2011) vom 12. Oktober 2011 des Sicherheitsrates der Vereinten Nationen / Deutscher Bundestag, 17. Wahlperiode. – Drucksache 17/8166. – Berlin, 2011. – 14.12. – 8 S. – Mode of access: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/17/081/1708166.pdf> (Дата обращения – 10.04.2017).

Antrag der Bundesregierung: Fortsetzung und Ergänzung des Einsatzes bewaffneter deutscher Streitkräfte zur Verhütung und Unterbindung terroristischer Handlungen durch die Terrororganisation IS auf Grundlage von Artikel 51 der Charta der Vereinten Nationen in Verbindung mit Artikel 42 Absatz 7 des Vertrages über die Europäische Union und den Resolutionen 2170 (2014), 2199 (2015), 2249 (2015) des Sicherheitsrates der Vereinten Nationen sowie des Beschlusses der Staats- und Regierungschefs vom NATO-Gipfel am 8/9 Juli 2016 / Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode. – Drucksache 18/9960. – Berlin, 2016. – 13.10. – 8 S. – Mode of access: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btd/18/099/1809960.pdf> (Дата обращения – 10.04.2017).

Assistance for rebuilding the police force in Afghanistan / Federal ministry of foreign affairs; Federal ministry of the interior. – Berlin, 2005. – 28 S.

Die Menschen in Aleppo mit Hilfe versorgen // Auswärtiges Amt. – Berlin, 2016. – 12.08. – Mode of access: http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Aussenpolitik/Laender/Aktuelle_Artikel/Syrien/160812_Aleppo.html (Дата обращения – 10.04.2017).

Germany: Since the beginning of the conflict, Germany has spent over €1.3 billion (US\$1.4 billion) of humanitarian and development aid in the region // Supporting Syria and the Region. – L., 2016. – Mode of access: <https://www.supportingsyria2016.com/about/germany/> (Дата обращения – 10.04.2017).

Merkel A., Obama B. Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und US-Präsident Obama // Die Bundeskanzlerin. – Berlin, 2013. – 19.06. – Mode of access: <http://www.bundestag.de/ContentArchiv/DE/Archiv17/Mitsch>

rift/Pressekonferenzen/2013/06/2013-06-19-pk-merkel-obama.html (Дата обращения - 10.04.2017).

Merkel für Flugverbotzone über Syrien // Die Zeit Online. - Hamburg, 2016. - 15.02. - Mode of access: <http://www.zeit.de/politik/2016-02/angela-merkel-flugverbotszone-syrien-baschar-al-assad-islamischer-staat> (Дата обращения - 10.04.2017).

«Offener Brief» zum Ende der ISAF-Mission: Pressemitteilung / Bundesministerium der Verteidigung, Auswärtiges Amt, Bundesministerium des Innern, Bundesministerium für wirtschaftliche Zusammenarbeit und Entwicklung. - Berlin, 2014. - Mode of access: http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Infoservice/Presse/Meldungen/2014/141229-Offener_Brief_ISAF.html (Дата обращения - 10.04.2017).

Plenarprotokoll 18/142: Stenografischer Bericht // Deutscher Bundestag, 18. Wahlperiode, 142. Sitzung. - Berlin, 2015. - 02.12. - S. 13875-13930. - Mode of access: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btp/18/18142.pdf> (Дата обращения - 10.04.2017).

Plenarprotokoll 18/144: Stenografischer Bericht // Deutscher Bundestag. - 18. Wahlperiode, 144. Sitzung. - Berlin, 2015. - 04.12. - S. 14105-14272. - Mode of access: <http://dip21.bundestag.de/dip21/btp/18/18144.pdf> (Дата обращения - 10.04.2017).

Reconstruction Fund: Syria // KfW Development Bank. - Frankfurt am Main, 2016. - January. - 2 p. - Mode of access: <https://www.kfw-entwicklungsbank.de/PDF/Entwicklungsfinanzierung/Laender-und-Programme/Nordafrika-Nahost/Syrien-2014-DE-SRTF.pdf> (Дата обращения - 10.04.2017).

Sicherheitspolitik in Zeiten der Globalisierung: Strategische Konsequenzen für Deutschland / Deutsches Forum Sicherheitspolitik. - Berlin, 2013. - 112 S.

Steinmeier F.-W. Mit Bomben allein ist Terror nicht zu besiegen: Interview zur deutschen Unterstützung für den Kampf gegen den IS, erschienen in der Bild // Auswärtiges Amt. - Berlin, 2015. - 01.12. - Mode of access: http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Aussenpolitik/GlobaleFragen/TerrorismusOK/Aktuelles/151201-BM-Bild_node.html (Дата обращения - 10.04.2017).

Steinmeier in Jekaterinburg zur Gesprächen über Syrien und Ukraine // Auswärtiges Amt. - Berlin, 2016. - 15.08. - Mode of access: http://www.auswaertiges-amt.de/DE/Aussenpolitik/Laender/Aktuelle_Artikel/Russische_Foederation/160815_BM_JEKA.html (Дата обращения - 10.04.2017).

The Bundeswehr on operations: Publication to mark the 15 th anniversary of the first parliamentary mandate for armed Bundeswehr missions abroad / Federal ministry of defense. - Berlin, 2009. - 120 p.

The Middle East and North Africa: Syria / Federal ministry for economic cooperation and development. - Berlin, 2017. - April. - Mode of access: http://www.bmz.de/en/what_we_do/countries_regions/naher_osten_mittelmeer/syrien/index.html (Дата обращения - 10.04.2017).

Weißbuch zur Sicherheitspolitik und zur Zukunft der Bundeswehr / Bundesministerium der Verteidigung. - Berlin, 2016. - 144 S.